

Даниэль Дефо

Дальнейшие приключения Робинзона Крузо



Робинзон Крузо

Даниэль Дефо

**Дальнейшие приключения
Робинзона Крузо**

«Public Domain»

1719

Дефо Д.

Дальнейшие приключения Робинзона Крузо / Д. Дефо — «Public Domain», 1719 — (Робинзон Крузо)

«Народная пословица: каков в колыбельку, таков и в могилку нашла себе полное оправдание в истории моей жизни. Если принять в расчет мои тридцатилетилетние испытания, множество пережитых мною разнообразных невзгод, какие выпадали на долю, наверное, лишь очень немногих, семь лет жизни, проведенных мною в спокойствии и довольстве, наконец, мою старость, — если вспомнить, что я изведаль жизнь среднего сословия во всех ее видах и узнал, который из них всего легче может доставить человеку полное счастье, — то, казалось, можно было бы думать, что природная склонность к бродяжничеству, как я уже говорил, с самого появления моего на свет овладевшая мной, должна была бы ослабеть, ее летучие элементы испариться или, по крайней мере, сгуститься, и что в 61 год у меня должно было явиться стремление к оседлой жизни и удержать меня от походов, угрожающих опасностью моей жизни и моему состоянию...»

Даниэль Дефо
ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
РОБИНЗОНА КРУЗО,
составляющие вторую и последнюю
часть его жизни, и захватывающее
изложение его путешествий по трем
частям света, написанные им самим

* * *

Народная пословица: *каков в колыбельку, таков и в могилку* нашла себе полное оправдание в истории моей жизни. Если принять в расчет мои тридцатилетилетние испытания, множество пережитых мною разнообразных невзгод, какие выпадали на долю, наверное, лишь очень немногих, семь лет жизни, проведенных мною в спокойствии и довольстве, наконец, мою старость, — если вспомнить, что я изведаль жизнь среднего сословия во всех ее видах и узнал, который из них всего легче может доставить человеку полное счастье, — то, казалось, можно было бы думать, что природная склонность к бродяжничеству, как я уже говорил, с самого появления моего на свет овладевшая мной, должна была бы ослабеть, ее летучие элементы испариться или, по крайней мере, стуситься, и что в 61 год у меня должно было явиться стремление к оседлой жизни и удержать меня от походов, угрожающих опасностью моей жизни и моему состоянию.

Притом же для меня не существовало того мотива, который побуждает обыкновенно отправляться в дальние странствия: мне не к чему было добиваться богатства, нечего было искать. Если б я нажил еще десять тысяч фунтов стерлингов, я не сделался бы богаче, так как я уже имел вполне достаточно для себя и для тех, кого мне нужно было обеспечить. При том же, капитал мой видимо возрастал, так как, не имея большого семейства, я даже не мог истратить всего своего дохода, — разве что стал бы расходовать деньги на содержание множества слуг, экипажи, развлечения и тому подобные вещи, о которых я не имел никакого представления и к которым не чувствовал ни малейшей склонности. Таким образом мне оставалось только сидеть себе спокойно, пользоваться приобретенным мною и наблюдать постоянное увеличение моего достатка.

Однако, все это не оказало на меня никакого влияния и не могло подавить во мне стремления к странствованиям, которое развилось во мне положительно в хроническую болезнь. Особенно сильно было во мне желание взглянуть еще раз на мои плантации на острове и на колонию, которую я оставил на нем. Каждую ночь я видел свой остров во сне и мечтал о нем по целым дням. Мысль эта парила над всеми другими, и мое воображение так усердно и напряженно разрабатывало ее, что я говорил об этом даже во сне. Одним словом, ничто не могло выбить из моей головы намерение съездить на остров; оно так часто прорывалось в моих речах, что со мной стало скучно разговаривать; я не мог говорить ни о чем другом: все разговоры сводились у меня к одному и тому же; я всем надоел и сам замечал это.

Мне часто доводилось слышать от рассудительных людей, что всякие рассказы и привидения и духа возникают вследствие пылкости воображения и усиленной работы фантазии, что никаких духов и привидений не существует и т. д. По их словам, люди, вспоминая свои

былые беседы с умершими друзьями, так живо представляют их себе, что в некоторых исключительных случаях способны вообразить, будто видят их, разговаривают с ними и получают от них ответы, тогда как в действительности ничего подобного нет, и все это им только чудится.

Сам я и посейчас не знаю, существуют ли привидения, являются ли люди другим после своей смерти и бывают ли у таких рассказов более серьезное основание, чем нервы, бред вольного ума и расстроенное воображение, но я знаю, что мое воображение часто доводило меня до того, что мне казалось, будто я опять на острове близ моего замка, будто передо мной стоят старик испанец, отец Пятницы и взбунтовавшиеся матросы, которых я оставил на острове. Мне чудилось, что я разговариваю с ними и вижу их так же ясно, как если б они на самом деле были у меня перед глазами. Часто мне самому становилось жутко – так живо рисовало мое воображение все эти картины. Однажды мне приснилось с поразительной яркостью, что первый испанец и отец Пятницы рассказывают мне о гнусных поступках трех пиратов, о том, как эти пираты пытались варварски перебить всех испанцев и как они подожгли весь запас провианта, отложенного испанцами, чтобы умерить их голодом. Ни о чем подобном я не слышал, а между тем все это было фактически верно. Во сне же это представилось мне с такой отчетливостью и правдоподобием, что вплоть до того момента, когда я увидел мою колонию на самом деле, меня невозможно было убедить, что все это не было правдой. И как же я во сне негодовал и возмущался, слушая жалобы испанца, какой суровый суд я учинил над виновными, подверг их допросу и велел всех троих повесить. Сколько во всем этом было правды – выяснится своевременно. Скажу только, что, хотя я и не знаю, как я добрался до этого во сне и что мне внушило такие предположения, в них было многое верно. Не могу сказать, чтобы сон мой был правилен во всех подробностях, но в общем в нем было так много правды, гнусное и низкое поведение этих троих мерзавцев было таково, что сходство с действительностью оказалось поразительное, и мне на самом деле пришлось строго наказать их. Даже если бы я их и повесил, то поступил бы справедливо и был бы прав перед законом божеским и человеческим. Но возвращаясь к моему рассказу. Так я прожил несколько лет. Для меня не существовало никаких других удовольствий, никакого приятного препровождения времени, никаких развлечений, кроме мечтаний об острове; жена моя, видя, что моя мысль занята им одним, сказала мне однажды вечером, что, по ее мнению, в моей душе звучит голос свыше, повелевающий мне отправиться снова на остров. Единственным препятствием к этому были, по ее словам, мои обязанности перед женой и детьми. Она говорила, что не может допустить и мысли о разлуке со мной, но так как она уверена, что, умри она, я бы первым делом поехал на остров и что это уже решено там наверху, то она не желает быть мне помехой. А потому, если я действительно считаю необходимым и уже решил ехать... – тут она заметила, что я внимательно прислушиваюсь к ее словам и пристально смотрю на нее; что ее смутило, и она остановилась. Я спросил ее, отчего она не досказала, и просил продолжать. Но я заметил, что она была слишком взволнована и что в глазах ее стояли слезы. – «Скажи мне, дорогая», начал я, «желаешь ли ты, чтобы я поехал?» «Нет», ответила она ласково, «я далека от того, чтобы желать этого. Но если ты решился поехать, то я уж лучше поеду с тобой, чем буду тебе помехой. Хотя я и думаю, что в твои годы и в твоём положении слишком рискованно думать об этом, – продолжала она со слезами на глазах, – но раз уже так суждено, я не оставлю тебя. Если такова воля неба, противиться бессмысленно. И если небу угодно, чтобы ты поехал на остров, то оно же указывает мне, что мой долг ехать с тобой или устроить так, чтобы я не послужила для тебя препятствием».

Нежность жены несколько отрезвила меня; поразмыслив о своем образе действий, я обуздал свою страсть к путешествиям и начал рассуждать с самим собой, какой смысл имело для шестидесятилетнего человека, за которым лежала жизнь, полная стольких лишений и невзгод и закончившаяся столь счастливо, – какой смысл, говорю я, могло иметь для такого человека снова отправляться в поиски приключений и отдавать себя на волю случайностей, навстречу которым идут только молодые люди и бедняки?

Думал я также о новых обязательствах, принятых мною на себя, – о том, что у меня есть жена и ребенок и что моя жена носит под сердцем другого ребенка, – что у меня есть все, что могла дать мне жизнь, и что мне нет надобности рисковать собой ради денег. Я говорил себе, что я уже на склоне лет и мне приличнее думать о том, что скоро мне придется расстаться со всем приобретенным мною, а не об увеличении своего достатка. Я думал о словах моей жены, что такова воля неба и что поэтому я *должен* ехать на остров, но лично я вовсе не был уверен в этом. Поэтому после долгих размышлений я стал бороться с своим воображением и кончил тем, что урезонил себя, как это может сделать, наверное, и каждый в подобных случаях, если только захочет. Одним словом, я подавил свои желания; я поборол их при помощи доводов рассудка, которых, в моем тогдашнем положении, можно было привести очень много. Особенно же я старался направить свои мысли на другие предметы и решил начать какое-нибудь дело, которое могло бы отвлечь меня от мечтаний о поездке на остров, так как я заметил, что они овладевали мною главным образом тогда, когда я предавался праздности, когда у меня не было никакого дела вообще или, по крайней мере, неотложного дела.

С этой целью я купил небольшую ферму в графстве Бедфорд и решил переселиться туда. Там был небольшой удобный домик, и в хозяйстве можно было произвести существенные улучшения. Такое занятие во многих отношениях соответствовало моим наклонностям, притом же местность эта не прилегала к морю, и там я мог быть спокоен, что мне не придется видеть корабли, матросов и все то, что напоминало о дальних краях.

Я поселился на своей ферме, перевез туда семью, накупил плугов, борон, тележку, фургон, лошадей, коров, овец и серьезно принялся за работу. Через полгода я сделался настоящим сельским хозяином. Мой ум всецело был поглощен надзором за рабочими, обработкой земли, устройством изгородей, посадкой деревьев и т. п. И такой образ жизни мне казался самым приятным из всех, какие могут достаться, в удел человеку, испытавшему в жизни одни только невзгоды.

Я хозяйничал на собственной земле, – мне не приходилось платить аренды, меня не стесняли никакие условия, я мог строить или разрушать по своему усмотрению; все, что я делал и предпринимал, шло на пользу мне и моему семейству. Отказавшись от мысли о странствиях, я не терпел в своей жизни никаких неудобств. Теперь то, казалось мне, я достиг той золотой середины, которую так горячо рекомендовал мне отец, блаженной жизни, подобной той, которую описывает поэт, воспевая сельскую жизнь:

Свободную от пороков, чуждую забот,
Где старость не знает болезней, а юность соблазнов.

Но среди всего этого блаженства меня поразил тяжелый удар, который не только неправомерно разбил мне жизнь, но и снова оживил мои мечты о странствиях. И эти мечты овладели мной с непреодолимой силой, подобно поздно вернувшемуся вдруг тяжелому недугу. И ничто не могло теперь отогнать их. Этим ударом была для меня смерть жены.

Я не собираюсь писать элегию на смерть своей жены, описывать ее добродетели и льстить слабому полу вообще в надгробной речи. Скажу только, что она была душой всех моих дел, центром всех моих предприятий, что она своим благоразумием постоянно отвлекала меня от самых безрассудных и рискованных планов, роившихся в моей голове, как было сказано выше, и возвращала меня к счастливой умеренности; она умела укрощать мой мятувшийся дух; ее слезы и просьбы влияли на меня больше, чем могли повлиять слезы моей матери, наставления отца, советы друзей и все доводы моего собственного разума. Я чувствовал себя счастливым, уступая ей, и был совершенно удручен и выбит из колеи своей утратой.

После ее смерти все окружающее стало казаться мне безрадостным и неприглядным. Я чувствовал себя в душе еще более чужим. Здесь, чем в лесах Бразилии, когда я впервые ступил

на ее берег, и столь же одиноким, как на своем острове, хотя меня и окружала толпа слуг. Я не знал, что мне делать и чего не делать. Я видел, как вокруг меня суетились люди; одни из них трудились ради хлеба насущного, а другие растрачивали приобретенное в гнусном распутстве или суетных удовольствиях, одинаково жалких, потому что цель, к которой они стремились, постоянно отдалялась от них. Люди, гнавшиеся за увеселениями, каждый день пресыщались своим пороком и копили материал для раскаяния и сожаления, а люди труда растрачивали свои силы в повседневной борьбе из-за куска хлеба. И так проходила жизнь в постоянном чередовании скорбей; они жили только для того, чтобы работать, и работали ради того, чтобы жить, как будто добывание хлеба насущного было единственной целью их многотрудной жизни и как будто трудовая жизнь только и имела целью доставить хлеб насущный.

Мне вспомнилась тогда жизнь, которую я вел в своем царстве, на острове, где мне приходилось возделывать не больше хлеба и разводить не больше коз, чем мне было нужно, и где деньги лежали в сундуках, пока не заржавели, так как в течение двадцати лет я даже ни разу не удостоил взглянуть на них.

Все эти наблюдения, если бы я воспользовался ими так, как подсказывали мне разум и религия, должны бы были показать мне, что для достижения полного счастья не следует искать одних только наслаждений, что существует нечто высшее, составляющее подлинный смысл и цель жизни, и что мы можем добиться обладания или надеяться на обладание этим смыслом еще до гроба.

Но моей мудрой советчицы уже не было в живых, и я был подобен кораблю без кормчего, несущемуся по воле ветра. Мои мысли опять направились на прежние темы, и мечты о путешествии в далекие страны снова стали кружить мне голову. И все то, что служило для меня прежде источником невинных наслаждений. Ферма, сад, скот, семья, всецело владевшие прежде моей душой, утратили для меня всякое значение и всякую привлекательность. Теперь они были для меня все равно что музыка для глухого или еда для человека потерявшего вкус: короче говоря, я решил бросить хозяйство, сдать в наем свою ферму и вернуться в Лондон. И через несколько месяцев я это и сделал.

Переезд в Лондон не улучшил моего душевного состояния. Я не любил эту города, мне там нечего было делать и я бродил по улицам как праздношатай, о котором можно оказать что он совершенно бесполезен в мироздании ибо никому нет дела до того жив он или умер. Такое праздное препровождение времени были мне, как человеку, ведущему всегда очень деятельную жизнь, в высшей степени противно и часто я говорил себе: «Нет более унижительного состояния в жизни, чем праздность». И действительно, мне казалось, что я с большей пользой провел время когда в течение двадцати шести дней делал одну доску.

В начале 1693 г. вернулся домой из первого своего небольшого путешествия в Бильбао мой племянник, которого как я уже говорил раньше, я сделал моряком и капитаном корабля. Он явился ко мне и сообщил что знакомые купцы предлагают ему съездить за товарами в Ост-Индию и Китай. «Если вы, дядя», сказал он мне, «поедете со мною, то я могу высадить вас на вашем острове, так как мы зайдем в Бразилию».

Самым убедительным доказательством существования будущей жизни и невидимого мира является совпадение внешних причин, побуждающих нас поступить так, как внушают нам наши мысли, которые мы создаем в своей душе совершенно самостоятельно и не сообщая о них никому.

Мой племянник ничего не знал о том, что мое болезненное влечение к странствованиям проснулось во мне с новой силой, а я совершенно не ожидал, что он явится ко мне с подобным предложением. Но в это самое утро, после долгого размышления, я пришел к решению съездить в Лиссабон и посоветоваться с моим старым другом капитаном, а затем, если бы он нашел это осуществимым и разумным, опять поехать на остров посмотреть, что случилось с моими людьми. Я носился с проектами заселения острова и привлечения переселенцев из

Англии, мечтал взять патент на землю и о чем только я ни мечтал. И вот как раз в этот момент является мой племянник с предложением завезти меня на остров по дороге в Ост-Индию.

Устремив на него пристальный взгляд, я спросил: «Какой дьявол натолкнул тебя на эту гибельную мысль?» Это сначала ошеломило моего племянника, но скоро он заметил, что его предложение не доставило мне особенного неудовольствия, и ободрился, «Я надеюсь, что она не окажется гибельной», сказал он, «а вам, наверное, приятно будет увидеть колонию, возникшую на острове, где вы некогда царствовали более счастливо, чем большинство монархов в этом мире».

Одним словом, его проект вполне соответствовал моему настроению, т. е. тем мечтам, которые владели мной и о которых я уже говорил подробно; и я ему ответил в немногих словах, что если он сговорится со своими купцами, то я готов ехать с ним, но, может быть, и не уеду дальше своего острова. «Неужели же вы хотите опять остаться там?» спросил он. «А разве ты не можешь взять меня на обратном пути?» Он ответил, что купцы ни в каком случае не разрешат ему сделать такой крюк с кораблем, нагруженным товарами, представляющими большую ценность, так как на это уйдет не меньше месяца времени, а может быть и три и четыре месяца. «Сверх того, ведь я же могу потерпеть крушение и совсем не вернуться, – прибавил он, – тогда вы очутитесь в таком же положении, в каком была раньше».

Это было очень резонно. Но мы вдвоем нашли средство помочь горю: мы решили взять с собой на корабль в разобранном виде шлюпку, которую с помощью нескольких взятых нами плотников можно бы было в несколько дней собрать на острове и спустить на воду.

Я не долго раздумывал. Неожиданное предложение племянника так соответствовало моим собственным стремлениям, что ничто не могло воспрепятствовать мне принять его. С другой стороны, после смерти моей жены, некому было заботиться обо мне настолько, чтобы уговаривать меня поступить так или иначе, исключая моего доброго друга, вдовы капитана, которая серьезно отговаривала от доездки и убеждала принять в соображение мои лета, материальную обеспеченность, опасности продолжительного путешествия, предпринимаемого безо всякой надобности, и, в особенности, моих маленьких детей. Но все это не оказало на меня ни малейшего действия. Я чувствовал непреодолимое желание побывать на острове и ответил моей приятельнице, что мои мысли об этой поездке носят столь необычайный характер, что оставаться дома значило бы восставать против providения. После этого она перестала разубеждать меня и начала даже сама помогать мне не только в приготовлениях к отъезду, но даже и в хлопотах об устройстве моих семейных дел и в заботах о воспитании моих детей.

Чтобы обеспечить их, я составил завещание и поместил свой капитал в верные руки, приняв все меры к тому, чтобы дети мои не могли быть обижены, какая бы участь ни постигла меня. Воспитание же их я всецело доверил моей приятельнице вдове, назначив ей достаточное вознаграждение за труды. Этого она вполне заслужила, ибо даже мать не могла бы больше ее заботиться о моих детях и лучше направлять их воспитание, и как она дожила до моего возвращения, так и я дожил до того, чтоб отблагодарить ее.

В начале января 1694 года мой племянник был готов к отплытию, и я со своим Пятницей явился на корабль в Даунс 8-го января. Помимо упомянутой шлюпки я захватил с собой значительное количество всякого рода вещей, необходимых для моей колонии, на случай, если бы я застал ее в неудовлетворительном состоянии, ибо я решил во что бы то ни стало оставить ее в цветущем.

Прежде всего я позаботился о том, чтобы взять с собой некоторых рабочих, которых предполагал поселить на острове или, по меньшей мере, заставить работать за свой счет во время пребывания там и затем предоставить им на выбор или остаться на острове, или же вернуться со мной. В числе их было два плотника, кузнец и один ловкий смышленный малый, по ремеслу бочар, но вместе с тем мастер на всякие механические работы. Он умел смастерить колесо и ручную мельницу, был хорошим токарем и горшечником и мог сделать решительно

все, что только выделяется из глины и дерева. За это мы прозвали его «мастером на все руки».

Сверх того, я взял с собою портного, который вызвался ехать с моим племянником в Ост-Индию, но потом согласился отправиться с нами на нашу новую плантацию и оказался полезнейшим человеком не только в том, что относилось до его ремесла, но и во многом другом. Ибо, как я уже говорил, нужда научает всему.

Груз, взятый мною на корабль, насколько я могу припомнить в общем, – я не вел подробного счета, – состоял из значительного запаса полотна и некоторого количества тонких английских материй для одежды испанцев, которых я рассчитывал встретить на острове; всего этого по моему расчету было взято столько, чтобы хватило на семь лет. Перчаток, шляп, сапог, чулок и всего необходимого для одежды, насколько я могу припомнить, было взято больше, чем на двести фунтов, включая несколько постелей, постельные принадлежности и домашнюю утварь, в особенности кухонную посуду: горшки, котлы, оловянную и медную посуду и т. п. Кроме того, я вез с собой на сто фунтов железных изделий, гвоздей всякого рода инструментов, скобок, петель, крючков и разных других необходимых вещей, какие только пришли мне тогда в голову.

Я захватил с собой также сотню дешевых мушкетов и ружей, несколько пистолетов, значительное количество патронов всяких калибров, три или четыре тонны свинца и две медных пушки. И так как я не знал, на какой срок мне нужно запастись и какие случайности могут ожидать меня, то я взял сто боченков пороха, изрядное количество сабель, тесаков и железных наконечников для пик и аллебард, так что, в общем, у нас был большой запас всяких товаров, уговорил своего племянника взять с собой про запас еще две небольших шканцовых пушки, помимо тех, что требовались для корабля, с тем, чтобы выгрузить их на острове и затем построить форт, который мог бы обезопасить нас от нападений. Вначале я был искренно убежден, что все это понадобится и даже, пожалуй, окажется недостаточным для того, чтобы удержать остров в наших руках. Читатель увидит в дальнейшем, насколько я был прав.

Во время этого путешествия мне не пришлось изведать столько неудач и приключений, как это обыкновенно бывало со мной, и потому мне реже придется прерывать рассказ и отвлекать внимание читателя, которому, может быть, хочется поскорей узнать о судьбе моей колонии. Однако, и это плавание не обошлось без неприятностей, затруднений, противных ветров и непогод, вследствие чего путешествие затянулось дольше, чем я рассчитывал, а так как из всех моих путешествий я только один раз – а именно в первую мою поездку в Гвинею – благополучно доехал и вернулся в назначенный срок, то и тут я уже начинал думать, что меня попрежнему преследует злой рок и я уж так устроен, что мне не терпится на суше и всегда не везет на море.

Противные ветры сначала погнали нас к северу, и мы были вынуждены зайти в Голуби, в Ирландии, где мы простояли по милости неблагоприятного ветра целых двадцать два дня. Но здесь по крайней мере было одно утешение: чрезвычайная дешевизна провизии; притом же здесь можно было достать все, что угодно, и за все время стоянки мы не только не трогали корабельных запасов, но даже увеличили их. Здесь я купил также несколько свиней и двух коров с телятами, которых я рассчитывал в случае благоприятного переезда высадить на моем острове, но ими пришлось распорядиться иначе.

Мы оставили Ирландию 5-го февраля и в течение нескольких дней шли с попутным ветром. Около 20-го февраля, помнится, поздно вечером пришел в каюту стоявший на вахте помощник капитана и сообщил, что он видел огонь и слышал пушечный выстрел; не успел он окончить рассказа, как прибежал юнга с извещением, что боцман тоже слышал выстрел. Все мы бросились на шканцы. Сначала мы не слышали ничего, но через несколько минут увидели яркий свет и заключили, что это должно быть, большой пожар. Мы вычислили положение корабля и единогласно решили, что в том направлении, где показался огонь (запад-северо-

запад), земли быть не может даже на расстоянии пятисот миль. Было очевидно, что это горит корабль в открытом море. И так как мы перед тем слышали пушечные выстрелы, то заключили, что корабль этот должен быть недалеко, и направились прямо в ту сторону, где видели свет; по мере того, как мы подвигались вперед, светлое пятно становилось все больше и больше, хотя вследствие тумана мы не могли различить ничего, кроме этого пятна. Мы шли с попутным, хотя и не сильным, ветром, и приблизительно через полчаса, когда небо немного прояснилось, мы ясно увидели, что это горит большой корабль в открытом море.

Я был глубоко взволнован этим несчастьем, хотя совершенно не знал пострадавших. Я вспомнил, в каком положении находился я сам, когда меня спас португальский капитан, и подумал, что еще гораздо отчаяннее положение находившихся на этом корабле людей, если вблизи нет другого судна. Я сейчас же приказал сделать с короткими промежутками пять пушечных выстрелов, чтобы дать знать пострадавшим, что помощь близка и что они могут попытаться спастись на лодках. Ибо хотя мы и могли видеть пламя на корабле, но с горящего судна в ночной тьме нас нельзя было увидеть.

Мы удовольствовались тем, что в ожидании рассвета легли в дрейф, сообразуя наши движения с движениями горящего корабля. Вдруг, к великому нашему ужасу – хотя этого и следовало ожидать – раздался взрыв, и вслед за тем корабль немедленно погрузился в волны. Это было ужасное и потрясающее зрелище. Я решил, что находившиеся на корабле люди или все погибли, или же бросились в лодки и носятся теперь по волнам океана. Во всяком случае, положение их было отчаянное. В темноте нельзя было ничего различить. Но для того, чтобы по возможности помочь потерпевшим найти нас и дать знать, что вблизи находится корабль, я велел везде, где только было можно, вывесить зажженные фонари и стрелять из пушек в продолжение всей ночи.

Около восьми часов утра с помощью подзорных труб мы увидели в море лодки. Их было две; обе переполнены людьми и глубоко сидели в воде. Мы заметили, что они, направляясь против ветра, идут на веслах к нашему кораблю и прилагают всяческие усилия, чтобы обратить на себя наше внимание. Мы сейчас же подняли кормовой флаг и стали давать сигналы, что мы их приглашаем на наш корабль, и, прибавив парусов, пошли им навстречу. Не прошло и получаса, как мы поровнялись с ними и приняли их к себе на борт. Их было шестьдесят четыре человека, мужчин, женщин и детей, ибо на корабле было много пассажиров.

Мы узнали, что это было французское торговое судно, вместимостью в триста тонн, направлявшееся во Францию из Квебека в Канаде. Капитан рассказал нам подробно о несчастий, постигшем его корабль. Загорелось около руля по неосторожности рулевого. Сбежавшие на его зов матросы, казалось совершенно потушили огонь, но скоро обнаружилось, что искры попали в столь мало доступную часть корабля, что бороться с огнем не было возможности. Вдоль досок и по обшивке пламя пробралось в трюм, и там уж никакие меры не могли остановить его распространения.

Тут уж не оставалось ничего иного, как спустить лодки. К счастью для находившихся на корабле, лодки были достаточно вместительны. У них был баркас, большой шлюп и сверх того маленький ялик, в который они сложили запасы свежей воды и провизии. Садясь в лодки на таком большом расстоянии от земли, они питали лишь слабую надежду на спасение; больше всего они надеялись на то, что им встретится какой либо корабль и возьмет их к себе на борт. У них были паруса, весла и компас, и они намеревались плыть к Ньюфаундленду. Ветер им благоприятствовал. Провизии и воды у них было столько, что, расходуя ее в количестве, необходимом для поддержания жизни, они могли просуществовать около двенадцати дней. А за этот срок, если бы не помешали бурная погода и противные ветры, капитан надеялся добраться до берегов Ньюфаундленда. Они надеялись также, что за это время им удастся, может быть, поймать некоторое количество рыбы. Но им угрожало при этом так много неблагоприятных случайностей, вроде бурь, которые могли бы опрокинуть и потопить их лодки, дождей и холо-

дов, от которых немеют и коченеют члены, противных ветров, которые могли продержать их в море так долго, что они все погибли бы от голода, что их спасение было бы почти чудом.

Капитан со слезами на глазах рассказывал мне, как во время их совещаний, когда все были близки к отчаянию и готовы потерять всякую надежду, они внезапно были поражены, услышав пушечный выстрел и вслед за первым еще четыре. Это было пять пушечных выстрелов, которые я велел произвести, когда мы увидели пламя. Выстрелы эти оживили надеждой их сердца и, как я и предполагал, дали им знать, что невдалеке от них находится корабль, идущий им на помощь.

Услыхав выстрелы, они убрали мачты и паруса, так как звук слышался с наветренной стороны, и решили ждать до утра. Через некоторое время, не слыша больше выстрелов, они сами стали стрелять с большими промежутками из мушкетов и сделали три выстрела, но ветер относил звук в другую сторону, и мы их не слышали.

Тем приятнее были изумлены эти бедняки, когда, спустя некоторое время, они увидели наши огни и снова слышали пушечные выстрелы; как уже оказано, я велел стрелять в продолжение всей ночи. Это побудило их взяться за весла для того, чтобы скорее подойти к нам. И, наконец, к их неопишуемой радости, они убедились, что мы заметили их.

Невозможно описать разнообразные телодвижения и восторги, которыми спасенные выражали свою радость по случаю столь неожиданного избавления от опасности. Легко описать и скорбь и страх – вздохи, слезы, рыдания и однообразные движения головой и руками исчерпывают все их способы выражения; но чрезмерная радость, восторг, радостное изумление проявляются на тысячу ладов. У некоторых были слезы на глазах, другие рыдали и стояли с таким отчаянием в лице, как будто испытывали глубочайшую скорбь. Некоторые буйствовали и положительно казались помешанными. Иные бегали по кораблю, топая ногами или ломая ругай. Некоторые танцевали, несколько человек пели, иные истерически хохотали, многие подавленно молчали, не будучи в состоянии произнести ни единого слова. Кое кого рвало, несколько человек лежали в обмороке. Немногие крестились и благодарили господа.

Нужно отдать им справедливость – среди них были многие, проявившие потом истинную благодарность, но сначала чувство радости в них было так бурно, что они не были в состоянии совладать с ним – большинство впало в иступление и какое то своеобразное безумие. И лишь очень немногие оставались спокойными и серьезными в своей радости.

Отчасти это, может быть, объяснялось тем, что они принадлежали к французской нации, отличающейся, по общему признанию, более изменчивым, страстным и живым темпераментом, так как жизненные духи у ней более подвижны, чем у других народов. Я не философ и не берусь определить причину этого явления, но до тех пор я не видал ничего подобного. Всего более приближалось к этим сценам то радостное иступление, в которое впал бедный Пятница, мой верный слуга, когда он нашел в лодке своего отца. Несколько напоминал их также восторг капитана и его спутников, которых я выручил, когда мерзавцы матросы высадили их на берег; во ни то, ни другое и ничто, виденное мной доселе, нельзя было сравнить с тем, что происходило теперь.

Нужно заметить также, что этот дикий восторг проявлялся в различных формах не только у различных лиц. Иногда все его проявления можно было наблюдать в быстрой смене у одного и того же. Человек, который минуту тому назад упорно молчал и казался подавленным и утратившим способность соображать, вдруг начинал танцевать и кривляться как клоун. Еще минута – ион рвал на себе волосы или раздираал свое платье и топтал его ногами как сумасшедший. Немного спустя он начинал плакать, ему становилось дурно, он терял сознание и, если б его оставить без помощи, через несколько минут он наверное был бы уже трупом. И так было не с двумя, не с десятью или двадцатью, а с большинством, и, сколько помню, наш доктор был принужден пустить кровь, по крайней мере, тридцати спасенным.

В числе их было два священника, один старик, другой – молодой. И странное дело – как раз старик то и вел себя всего хуже. Едва вступил на палубу и почувствовав себя в безопасности, он упал, как подкошенный, без малейших признаков жизни. Наш врач сейчас же принял надлежащие меры, и один только из всех находившихся на корабле не считал его уже мертвым. Напоследок он открыл священнику жилу на руке, предварительно растерев руку докрасна и хорошенько разогрев ее. После этого кровь, сначала лишь медленно сочившаяся капля по капле, полилась сильнее. Минуты через три старик открыл глаза, а через четверть часа он уже заговорил, и ему стало легче. Вскоре он почувствовал себя совсем хорошо. Когда ему остановили кровь, он начал расхаживать по палубе, заявляя, что он чувствует себя превосходно, выпил глоток лекарства, данного ему врачом – словом, совершенно пришел в себя. Но через четверть часа его спутники прибежали в каюту врача, который делал кровопускание женщине, лишившейся чувств, и сообщили ему, что священник буйствует. Повидимому, только теперь он сознал перемену своего положения и пришел в исступление. Жизненные духи помчались в его крови так быстро, что сосуды не могли выдержать. Кровь его разгорячилась, он впал в лихорадочное состояние, и казалось, что место его в Бедламе. Врач не решился вторично пустить кровь в таком состоянии и дал ему принять что то успокоительное и усыпляющее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.